Содержание

Наследие и новшества традиционной китайской культуры 4
Настроения и переживания «людей культуры» – *вэньжэнь* 34
Влияние минской системы контроля на будущие поколения . . . 77
Историческая последовательность в становлении
и развитии талантов Эдуна (восточного Хубэя) 108
Великий Цзинчжоу в истории 140
Хайнань. История и культура династии Мин 170
Что может поведать о традиционной культуре Китая круг
Великого Предела 183
Чему меня научила работа со словом 192
Что я понимаю под концептом *жэнь* 211
Наследие чань-буддизма 233
Пусть сбудется наша мечта 236
Конкурентоспособность и признание культуры 240
Конфуцианство, буддизм и даосизм в землях Цзинчу 245
Начнём с экологии... 249
Поэзия в старом стиле в наши дни 255
Поэтические волны Янцзы и Волги 260
Чему могут научить реформы Чжан Цзюйчжэна в наши дни . . . 270

Наследие и новшества традиционной китайской культуры

Дорогие друзья, сегодняшней темой моей лекции будет «Наследие и новшества традиционной китайской культуры». Я хочу изложить данную тему в трёх аспектах: первое – что является нашей традиционной культурой; второе – какова последовательность эпохи культурного наследия; третье – инновационные возможности нашей традиционной культуры.

Начнём с первого. Что же является нашей традиционной культурой.

Для начала нам нужно выяснить, что такое традиционная культура. В широком смысле – это бытовые (житейские) привычки китайского народа, обычаи и этикет, система законов, «ши цы гэ фу»[1], цинь, шахматы, каллиграфия, живопись[2] и др., это все принадлежит к области нашей традиционной культуры. То, о чём мы поговорим сегодня, будь то духовный или материальный аспект, не выходит за рамки данной культуры. Если говорить напрямую, то можно использовать такие термины, как «фэнци (нравы, привычки)», «фэнсу (обычаи)», «фэнцин (самобытность, фольклор, колорит)», «фэншан (веяния, традиции)» – эти четыре «фэна» регулируют всю нашу духовную и материальную жизнь.

Автор книги «Мегатренды» Джон Нейсбит написал такую фразу: «Нравы контролируют снизу доверху. «Нравы», скажем, могут стоять где-то высоко, влиять на нас путём своего господ-

---

[1] «Ши цы гэ фу: четыре жанра стихотворных произведений, основные формы китайской поэзии и ритмической прозы.

[2] «Цинь, шахматы, каллиграфия, живопись»: четыре занятия учёного.

ства, они ведут эпоху, оказывают огромное влияние на нашу повседневную жизнь. Такое влияние и называется «нравом». Ещё одним влиянием является *фэнсу* (обычаи). Китай является церемониальным обществом, у нас очень много народных обычаев, в том числе проведение каких-либо радостных событий (*праздников*), и не радостных, похорон и др. Все имеет порядок и правила. Формирование каждого церемониала является «обычаем». Он также может напрямую влиять на каждый аспект нашей жизни. Существует ещё «самобытность» или «колорит». Мы называем «национальный колорит», «местный колорит» и ограничиваемся уникальной культурой и нравом некоторой местности, которые называют самобытностью, что является своего рода национальным обычаем, которым обладает только данная местность. «*Фэншан* (веяния, традиции)» предшествует просвещению. «*Фэнци* (нравы, привычки)» и «*фэнсу* (обычаи)» сближаются и становятся «*Фэншан* (веянием, традициями)». Традиции стоят на первом плане культуры одной эпохи (обычаи зачастую являются наследием нашей неизменной культуры), традиции которой являются частью пути развития культуры эпохи нашего времени. Например, говорят: «Как же новомодно выглядит это здание!» Само слово «новомодно» и есть «*Фэншан* (с кит. – мода, веяния, традиции)», если с широкой точки зрения говорить о традиционной культуре; если в узком, – то с точки зрения применения. По сегодняшний день наша традиционная культура по-прежнему имеет наиболее важную роль в трёх основных учениях, а именно, в конфуцианстве, буддизме и даосизме. Эти три учения представляют собой и открывают нам, как китайский народ познаёт мир, даёт понять их образ мышления о мире и духовной жизни.

С тех пор, как на шестом пленуме ЦК партии 17-го созыва и на третьем пленуме 18-го созыва КПК товарищ Ху Цзиньтао высказался о «культурной уверенности, самосознании и самосовершенствовании», в стране стали немало затрагивать тему культуры. Например, в 2013 году в правительственном докладе о работе Вэнь Цзябао говорилось: «Культура – это кровь нации и духовный очаг народа». Когда я услышал данный доклад,

я подумал: «Культура – это духовный очаг народа, и это верно с точки зрения всего человечества. Христианская культура, ставшая основой для развитой Америки, является духовным очагом американцев; исламская культура является духовным очагом Ближнего Востока; китайская культура, развитая традиционной культурой, является нашим общим духовным очагом.

Есть много видов культуры и областей в мире, таких как христианская культура, исламская, средиземноморская, эгейская и т. д., а действующая на этом восточном континенте и на простой народ – и есть наша традиционная культура. Некоторые западные синологи, углубляясь в изучение нашей традиционной культуры, кажется, будто глубоко опьянены ею. В Америке, Канаде, а также во многих европейских странах – везде, я встречал подобных синологов. В одной книге, которую я прочитал, написанной о китайской традиционной культуре одним канадским синологом, он представил свой уникальный взгляд на китайскую культуру, цитируя жизнь одного хуанпиского чиновника минской эпохи провинции Хубэй в качестве примера. Этот хуанпиский чиновник провинции Хубэй служил в уезде Шэ провинции Аньхой или где-то ещё, в качестве главы уезда. В свободное от политики время он вёл заметки, описывая своё свободное времяпровождение, будучи на посту главы уезда, а также воспоминания о своей беззаботной жизни в родном Хуанпи. Автор писал: «На моей родине ярко выраженные времена года, есть горы и реки. Весной встречаем праздник первых цветов, Цинмин, а осенью стоим на горе, смотрим вдаль, временами вместе с селянами пьём вино и слагаем стихи». На самом деле, он вовсе не нарочно демонстрирует свою поэтичность, а вспоминает своё настоящее детство, молодость и карьеру в зрелые годы. Когда канадский синолог прочёл эти строки, он очень позавидовал такому китайскому образу жизни. Он сказал, что китайский народ живёт в глубоком и крепком церемониале и в поэтических, и в живописных смыслах, люди этого континента заставляют нас удивляться, а у нас нет возможности даже войти в жизнь этого континента,

и мы не можем войти в душу китайского человека, так как они будто живут в раю. Так и было написано канадским синологом.

Я знаю также сербского синолога – профессора исторического факультета Белградского университета, специализирующегося на древней китайской истории. Будучи европейцем, он, тем не менее, одевался будто буддийский духовный учитель Нань Хуайцзинь – в длинный китайский кафтан, просторный, с широкими закатаннами рукавами. Увидев такого белолицего европейца на улицах Белграда, вам будет весьма смешно, а он, напротив же, весьма серьёзен и приличен, выучив китайский язык с более приметными цзянским и чжэцзянским акцентами, особенно с ярким янчжоуским диалектом. Я также повстречал ещё одного подобного синолога из Канады, который спросил меня на классическом китайском: «Господин, у вас все хорошо?» Это как раз-таки отличается от того, как выражаются на янчжоуском диалекте. Белый иностранец, оказавшись в районах Цзянсу и Чжэцзян, научившись мелодичному местному диалекту, ведёт беседы с тобой; а если он вдобавок изучает китайскую традиционную культуру, войдя на территорию династии Мин, он обязательно будет изучать минский классический китайский язык, разговаривая с тобой. Отсюда видно, что эти синологи входят в китайскую культуру с разных ракурсов, и их представления о ней соответственно разнятся.

Иностранцы часто изучают идиомы, которые отражают жизнь, истину которых они попросту не смогут постигнуть. Например, «радости семейной жизни». На моей выставке каллиграфии было одно произведение «Счастье беззаботной старости нянчится с внуками», данная работа как раз и выражала суть «радости в гармонии с небом». Однажды мой маленький трёхлетний внук заметил, как я пишу. Ему непременно хотелось взять кисть и поставить штамп. Он испачкал мою бумагу, но мне, дедушке, незачем сердиться, считая, что дитё должно позабавиться. И тогда, держа его ручку, я взялся вместе с ним за кисть, и мы вдвоём написали фразу «Счастье беззаботной старости нянчится с внуками» – это и является чувством китайского человека, это то чувство, которое пере-

даётся из поколения в поколение. Думаю, в моём следующем поколении и так далее будет так же.

Уважать учителя и ценить его наставления, спокойно и упорно трудиться, передавая умения преемнику, нянчится с внуками, жить в мире и согласии, жить вместе до старости – все эти идиомы изображают китайский образ жизни. «жить в мире и согласии» – говорит о мужчине и женщине, когда, став семьёй, они оба живут в согласии до старости, во всём помогают друг другу, уважают друг друга, что отражает постоянную моногамию. Поэтому, изучая лексику этих идиом, мы обнаруживаем, что они отражают наш образ жизни, моральное существование и социальные устои. Поэтому, только поняв эти идиомы, мы сможем понять материальный образ жизни и духовный мир китайцев.

Изобилие китайской традиционной культуры поражает: цинь, шахматы, каллиграфия, живопись, ши, цы, гэ, фу, китайский табак, алкоголь, чай... Китайский табак обладает особой изысканностью. В провинции Юньнань я наблюдал, как местные жители курили табак, курили так, что переворачивало всё нутро: смачивали табак в наполненном водой ведре, огнивом поджигая табак в длинной широкой трубке, словно поджигают праздничный фейерверк, который вот-вот издаст хлопок. Пригубливают трубку сверху, а снизу, где находится табак, будто бурлит вода, пузырится и стремится вверх. В Сиане я видел, как мой знакомый коллекционировал курительные трубки, он имел их более четырёх сотен видов, – применения и формы каждой были различны. Китайцы умеют поднять до уровня высокого искусства некоторые вещи из достаточно обыденного вида, их чьё культурное влияние всепроникающе, как тень.

Например, китайская чайная церемония. В Китае я дегустировал, как минимум, десятки различных чайных церемоний. Японская чайная церемония взяла своё начало с времён китайской династии Южная Сун чайного дао Цзиншаня Ханчжоу. Оно было создано буддийскими монахами, после чего распространилось до Японии. Цзиншаньская чайная церемония является чайной церемонией зелёного чая. Кроме цере-

моний зелёного чая, у нас имеются ещё церемония утёсного чая Уишаня, церемония чая пуэр, прессованного плиточного чая, и каждый вид чайной церемонии доставляет большое эстетическое наслаждение. Ещё китайский алкоголь – китайская водка «Маотай» и водка «Сифэн», ароматный вкус Щинхуацуня, разница между ними, как небо и земля. В древности в императорском дворце к алкоголю было обращено особое внимание. Женщины пили вино, считая, что это способствует красивому лицу, мужчины вином стимулировали различные функции своего организма, а отрезвляющих отваров в императорском дворце было несколько десятков видов.

Китайская нация являлась одной из самых мудрых наций. Когда-то они завоевали весь мир, пользуясь «глиной» и «листвой деревьев», вплоть до XVIII века, профицит торгового баланса был заработан той же «глиной» и «листвой». «Глина» – имеется в виду фарфор, «листва» – шёлк, дословно «коконная нить». Поэтому во времена династии Мин семьдесят процентов серебра всего мира находилось в обращении на территории Китая.

В те же времена один герцог из Германии собрал полную коллекцию из 18 крупных фарфоровых ваз Цзиндэчжэня[3]. Вся Европа завидовала ему. Король Пруссии был настолько впечатлён, что много раз пытался вести переговоры с немецким герцогом в надежде приобрести китайскую коллекцию ваз. Стороны три года вели переговоры и наконец согласились пойти на бартерный обмен: подразделение Прусской гвардии мирового класса обменяли на восемнадцать уникальных ваз, что на первый взгляд покажется небылицей.

Британская Ост-Индская компания, приметив лучшее изделие керамики, также не смогла устоять перед таким искушением. Британцы открыли торговый путь в Китай, пытаясь также подлыми методами захватить его.

Записи о шёлке можно проследить до времён великого Гая Юлия Цезаря. Цезарь, встречая группу придворных на торже-

---

[3] Гор. округ провинции Цзянси, также называют столицей фарфора.

ственной церемонии, с лязгом снял свои доспехи и показал скрытый под доспехами великолепный китайский шёлк, чем удивил весь Рим. Позднее, поскольку расходы на ввоз шёлка на территорию государства были очень высоки, римская верхняя палата была вынуждена принять законы, которые не позволяли им импортировать столь дорогой шёлк из Китая.

Китайцы обладают способностью извлекать богатство из самых примитивных и возобновляемых ресурсов, которые дала им Земля. Китайцы всегда имели такого рода способность к преобразованию вещей, что является вторым акцентом нашей первой темы вопроса.

Третье, о чём я хочу поговорить, о том, что наша современная китайская культура сознадана на основе ханьской, совместно с культурами иных национальных меньшинств. Китай – это многонациональная страна, но в отличие от других государств, многоэтничность не повлияла на прогресс этой огромной империи. Быстроразвивающиеся страны в основном являются странами одной нации. Возьмём пример: Индия имеет сотни этнических групп, и для того, чтобы уважать права каждого человека, для потребностей каждой нации, правительству Индии необходимо публиковать документы правительственного характера на более чем ста различных языках, именно поэтому ежегодные расходы на публикацию гораздо выше, чем затраты на саму культуру. В результате, темпы развития в Индии были сильно ограничены.

Китай в отличии от других многонациональных государств, как в политике, так и в других сферах всегда опирался на ханьскую культуру, заимствуя некоторые элементы культур иных этносов, что сформировало знакомую нам сегодня китайскую культуру.

Поэтому, говоря о китайской культуре, в первую очередь мы должны поговорить о ханьской. Как же сформировалась ханьская культура? Всемирно известный синолог Чэнь Инькэ когда-то изложил: «Классификацию этнических групп должна проводится не по происхождению и этнической группе, а по общим культурным ценностям и образу жизни. Если мы по-

нимаем историю Китая, то мы посчитаем данное предложение весьма разумным. Я приведу один простой пример. На протяжении многих лет я много путешествовал в приграничной зоне, в особенности на северо-западе и северо-востоке.

На северо-востоке я встречал многих, кого называют этническими меньшинствами, но их образ жизни больше похож на ханьский, чем у самих ханьцев; на северо-западе я встретил тех, кто называл себя ханьцем, но они больше были похожи на этнические меньшинства. Почему? Это было связано с длительной этнической интеграцией.

Седьмой император династии Хань У-ди в своё время неоднократно воевал с гуннами, и, потерпевшие в итоге поражение гунны скрылись в окрестностях Юйлинь северной части провинции Шэньбэй и поселились в здешних местах. Поэтому сегодня жители, называющие себя ханьцами Юйлиня, почти все являются потомками гуннов.

В Шэньси я как-то повстречал одного здоровяка, ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, он пил по два цзиня[4] в день алкоголя, притом не пьянея. Все лицо было покрыто шрамами, будто резали ножом или топором. Я спросил его, к какой национальности он принадлежит, и он ответил, что он – ханец. Я возразил ему, что это, скорее всего, не так (он носил фамилию Сяо, поэтому, наверняка являлся потомком древних кочевых народностей, называвшими себя «кидани»). После я описал ему некоторые особенности образа жизни, характерные для кидани, и, послушав меня, он сказал, что всё, что я перечислил, действительно соответствует некоторым его особенностям и образу жизни! На самом деле, в древности фамилию Сяо имели киданские гражданские чиновники. Только род императора Елюй Амбагая носили фамилию Елюй, остальные министры, независимо от того, какому роду они принадлежали, становясь чиновниками, получали фамилию Сяо.

Поскольку во времена Елюй Амбагая, не только министры обязаны были брать фамилии Сяо, императрица также должна

---

[4] Китайский фунт, равный 500 гр.

была сменить фамилию на Сяо. Поэтому, когда вопросы касались киданьской императрицы Сяо, нужно было уточнить, какого поколения и о какой именно императрице Сяо идёт речь. Так как в каждом поколении киданей была своя императрица с такой же фамилией.

В процессе интеграции такой национальности, как наша, понятие «ханьцы» было основано на общем образе жизни. Современные ханьцы изначально не обязательно являлись ханьцами. Как раз так же, как и многие из наших этнических групп, они поселились в Центральных равнинах и исчезли. Под великой силой ханьской культуры этнические группы были интегрированы. Поэтому гуннов, сяньбийцев, ухуаньцев, дунху, древних уйгуров, кидани, чжурчжэни больше нет. Царство Северная Вэй в отличии от других царств, было основано сяньбийцами, после прихода к власти они провели реформы, внедряя ханьскую культуру. Письмена династии северных царств в каллиграфии были созданы именно бэйвэйцами (из Северной Вэй). Кидани были широко распространены в Ормузском проливе, на острове Сахалин, озере Байкал и обширной территории монгольского высокогорья. Территория царства Ляо, основанная Елюем Амбагаем, простирается на юг до Бачжоу провинции Хэбэй. Сюнчжоу и Яньюнь с шестнадцатью областями имели большую часть территорий, чем Китай сегодня.

В то время ханьцы в основном жили на северо-востоке и севере Китая, на территории великого царства киданей Ляо, но не принадлежавшей Северной Сун. Во времена эпохи пяти династий и десяти царств Шицзин Тан династии Поздней Цзинь, для того, чтобы стать правителем в Яньюнь с шестнадцатью областями, заключил соглашение с кидани, дав согласие на то, что после того, как он станет правителем, Яньюнь должен быть передан киданскому режиму. Таким образом, вся территория Пекина приблизительно более 300 лет не принадлежала территориям Китая. Поначалу, она была отнесена к государству Ляо, после – к царству Цзинь (династии чжурчжэней).

В одно время я проводил серьёзное исследование яньюньских ханьцев, в итоге я обнаружил, что ханьцы этой местности,

в конце концов стали кидани, а кидани позже стали племенем шивэй (родственное киданям). Позднее часть шивэй преобразовалась в чжурчжэни.

Почему произошли такие «преобразования»? Так как ханьцы покинули Центральные равнины довольно долгое время, они, чтобы соответствовать бытовым привычкам и культурным ценностям местных этнических меньшинств, меняли свои культурные ценности, и, по прошествии длительного времени, они постепенно отдалились от ханьского образа жизни.

Этнические меньшинства, если бы желали создать богатство на яньюаньских землях, они должны были воспользоваться таким непревзойденным мастерством, какое было у ханьцев, которые создали фарфор и шелк.

В процессе этнической интеграции китайские иероглифы сыграли свою важную роль в развитии культуры Китая. Киданское письмо вымерло, чжурчжэнское исчезло. Многие письмена этнических меньшинств утратили своё существование, однако «ханцзы» (ханьские иероглифы) всегда оставались языком общения между всеми этническими группами. Можно сказать, что наследие китайских иероглифов заложило основу для Китая в становлении культурной державой.

Таньские стихи гласили: «Что за нужда сетовать, играя на тангутской флейте грустную мелодию ивы, тоскуя по родине, если даже весенний ветер не в силах сдуть заставу Юймэнь?». Мне приходилось бывать в районе оседлого проживания народности цян, в районе Хэси, откуда большинство наших цянских соотечественников позже мигрировали в самое сердце вэньчуанского землетрясения. Они называли себя потомками первого императора Яня, соорудив в этой местности массивный храм в память об императоре. Их танец доспехов уже стал государственным нематериальным культурным наследием. В последние годы, когда я проводил исследования по истории традиционной культуры и китайской нации, я часто находил немало полезной информации из описаний уездов и окружных справочников. Помимо изучения «*Эршисы ши*» (с кит. – «24 династические истории»), историки должны

были также обратить внимание на древние местные хроники и генеалогию, ведь эти, со всех точек зрения, историко-географические описания, сохранили большое количество ценных исторических материалов, и могут, как раз-таки, компенсировать некоторые исторические нюансы.

Мы обсудили, что является нашей традиционной культурой, в заключение я считаю, что в традиционной культуре имеется три определения: первое – традиционная культура; в широком смысле – это наши жизненные привычки, обычаи и нравы, правила и порядки; второе, с узкой точки зрения, – становление китайской культуры на основе конфуцианства, буддизма, даосизма, сформировавшиеся нравственные ценности, мировоззрение; третье – это культура, созданная во главе ханьской культуры, совместно с многоэтнической.

Перейдём ко второму вопросу: каков контекст эпох культурного наследия.

Промежуток между VI и II веками до н.э. является осью китайской культуры. Возникшая доциньская эпоха представителей различных учений и школ того времени позволила нам увидеть великолепное культурное разнообразие и богатый человеческий дух. Среди представителей различных школ имелись десять учений, которые повлияли на последующие поколения: конфуцианская школа, даосская, инь-янь, легисты, школа имён, школа Моцзы, эциклопедисты, аграрии, школа «малых-разговоров (прим. – выступали за сохранение фольклора, изучали народные обычаи)», потические стратеги эпохи Чжаньго. Эти десять наук представляют собой идеологический предмет ранней ханьской культуры Китая, которая является весьма великолепным идеологическим кладезем культуры. В тот период ещё не чтили только конфуцианство в лице его основателя – Конфуция, оно являлось лишь одним из течений, не имея особого статуса. В этот период учения представителей различных школ были названы господином Фэн Тяньюй как «первоначальная сущность канонов», они являлись первоначальными канонами культуры нашей китайской нации.

«И Цзин (Книга перемен)»[5], которая существовала ранее десяти школ, является абстрактной, спекулятивной философской работой. Слово «тайцзи»[6] впервые было упомянуто в «Толкованиях к гексаграммам «Ицзина»: «Изменчивость (перемены – то, что подлежит превращениям) имеет изначальный предел, порождая два Начала (о небе и земле, *инъ* и *ян*, как о прообразах всего сущего). Два Начала порождают четыре образа, четыре образа порождают *ба гуа* (восемь триграмм Ицзина)». Тайцзи является неразделимым единым неба и земли, первопричина создания всего мира. Тайцзи – первое, небо-земля – второе, вместе – два Начала. После возникновения двух Начал всё сущее стало обретать различия. В толкованиях «Ицзина» было следующее: «Взаимодействие *Инь* и *Ян* образовали закон вещей», с возникновением *Инь* и *Ян*, этот мир перестал быть хаотичным. *Инь-Ян* породили пять стихий: металл, дерево, воду, огонь и землю, пять стихий породили восемь триграмм[7], восемь триграмм породили всё сущее. Это довольно-таки тщательный ход мыслей. Среди десяти школ у конфуцианцев, даоссистов, *инь-янцев*, дегистов и представителей школы Моцзы имелись свои немаловажные трактовки «Книги перемен». Дошедшие до наших дней – «Ши»[8], «Шу»[9],

---

[5] «И цзин»: «Книга перемен», древнекитайская гадательная книга; одна из книг конфуцианского Пятикнижия.

[6] «Тайцзи»: великий (изначальный) предел (до выделения сил инь – женской и ян – мужской), высшее начало, начало всех начал.

[7] Восемь триграмм: Цянь (Юг, Небо), Кунь (Север, Земля), Чжэнь (Северо-Восток, Гром), Кань (Запад, Вода), Гэнь (Северо-Запад, Гора), Сюнь (Юго-Запад, Ветер), Ли (Восток, Огонь), Дуй (Юго-Восток, Озеро).

[8] «Ши цзин», «Шицзин»: «Книга песен», один из древнейших памятников китайской литературы, содержит записи древних песен, гимнов и стихов различных жанров, созданных в XI–VI вв. до н.э.; отбор и редакция произведений приписывается Конфуцию; входит в конфуцианское «Пятикнижие».

[9] «Шу цзин»: «Книга истории», «Книга документов», одна из книг, входящих в состав конфуцианского «Пятикнижия»; содержит сведения по древнейшей (в т.ч. и мифологической) истории Китая; её редакция приписывается Конфуцию; известна также под названием: «Шаншу».

«И»[10], «Ли цзи»[11], «Юэ»[12], «Чуньцю»[13]. Одному только «Ицзиню» удостоилась трактовка Конфуция, и тот, кто желает понимать классику, должен обратить внимание на толкование «Ицзиня». Развитие китайской классической филологии достигло своего пика во времена династии Хань, именно в этот период вышло немало толкователей этих различных школ и учений. Поэтому популяризация культуры происходила именно в ханьскую династию, а популяризация начала вестись в период Чуньцю и Чжаньго.

Культура периода Чуньцю и Сражающихся царств возникла ранее, а это «Хэ ту (план-карта Жёлтой реки)», «Лошу (письмена реки Ло)», ещё «Книга историй (входит в состав конфуцианского «Пятикнижия»)», особенно «Яо дянь (название раздела из «Шу цзин», где описываются дела и высказывания императора Тан Яо)». Если у вас отсутствует более глубокий интерес к китайской культуре, то вы будете чувствовать, что эти книги слишком далеки от нашей жизни сегодня. На родине я основал библиотеку «Лунтань», где на входной двери я написал одну парную надпись на вэньяне: «Устаревший Яо Дянь. Кто же сохранит бумагу и чернила? Бледны белые облака, осенние листы редки, как раз время для того, чтобы почитать». Идея была заключена в том, чтобы побудить взять на себя немного ответственности за читателя, побудив читать те старинные источники китайской классики.

В поздний период эпохи Чуньцю, после «Чуньцю», созданная Чжоу Тяньцзы культура уже пришла в упадок, многие вассальные государства не придавали особое значение чжоуской культуре и не следовали ей. Царство Чу представляло собой мятежника, поэтому за довольно-таки длительный период

---

[10] «Цзин»: «Книга перемен», древнекитайская гадательная книга; одна из книг конфуцианского Пятикнижия.

[11] «Ли цзи»: «Записки о благопристойности».

[12] «Юэцзин»: каноническая книга о музыке, ныне утерянная.

[13] «Чуньцю»: «Вёсны и осени», приписываемая Конфуцию летопись княжества Лу, пятая книга конфуцианского «Пятикнижия».

Чжоу-циньская культура и Чу-циская культура конкурировали друг с другом в развитии. Царство Цинь крепко придерживалось чжоускому режиму, Царства Чу и Ци, напротив, сумели открыть путь собственной культуры. В то время Ли Бо в провинции Хубэй «предавался вину в Аньлу, оступаясь и падая десять лет», написав: «Я, как чуский отшельник, напеваю фэньгэ, насмехаюсь над Конфуцием». Ли Бо осмеливался насмехаться над Конфуцием, – кажется бредом, на самом же деле, это нормально для царства Чу, где во времена периода Чуньцю и Сражающихся царств учение Конфуция являлось одним из многих и не имело уникального статуса.

В период Чуньцю царство Лу пользовалось большим уважением, лусцы с благоговением смотрели на культурную просветительность Чжоу Тяньцзы. Конфуций был подданным Лу, именно поэтому его почтение к чжоуской культуре не являлось беспричинным, всё потому, что в царстве Лу из поколения в поколение сформировались традиции поклонения к чжоуской культуре.

Конфуций выразил тремя отрывками свой интерес к чжоуской культуре. В первом было написано: «Чжоу основывалась на двух династиях, настолько она многогранна! И я следую Чжоу». Имеется в виду то, что династия Чжоу, научившись у бесценных культур Ся и Инь, переняла всё самое лучшее от этих двух династий, воссоздав чжоускую культуру, которая настолько процветающа и великолепна, что Конфуций был готов всю свою жизнь следовать ей. Культурные стандарты, культурные нравы и обычаи династии Чжоу были основаны на законодательных системах и правилах Инь, Ся и других стран. Чжоуская культура в то время внесла наибольший вклад в политику Китая, разработав структуру из трёх гунов (три высших сановника империи), тайфу (наставник двора), тайбао (попечитель императора) и тайши (наставник императора, старший из трёх гунов), государь руководит тремя гунами, три гуна руководят всеми остальными чиновниками, а чиновники – народом. Такая система управления была заложена именно династией Чжоу. Среди прочего, согласно информации,

в «“Записках о благопристойности” Старшего Дая», в то время в династии Чжоу было так – Шао-гун был тайбао, Чжоу-гун – тайфу, а Тайгун был тайши». Далее следующей фразой Конфуция была: «Я собираюсь на Востоке возродить “Чжоуские ритуалы”!» Династия Чжоу пришла в упадок, её культурные ценности истощились, можно ли воссоздать вторую чжоускую культуру? Конфуций воспринял это как политический идеал, но поскольку царство Лу было небольшим по территории и поэтому постоянно подвергалось агрессии со стороны других стран, у столь маленького и беззащитного государства не было возможности нести такую большую ответственность за восстановление культуры. Третьим изречением Конфуция было: «Уже давно ко мне во сне не приходил Чжоу-гун». Он имел в виду, что в свои преклонные годы, уже долгое время не видел во сне Чжоу-гуна. Может, он что-то сделал не так, что даже Чжоу-гун не желал видеть его.

Из трёх высказываний Конфуция видно, что в Царстве Лу в те времена чжоуская культура была полностью сохранена. В 544 году до нашей эры старший брат последнего правителя царства У, Уван Фучай, – Цзи Чжа, прибыв в царство Лу, услышал чжоускую музыку, с ликованием сказал: «Наконец-то здесь я услышал музыкальные звуки царства Чжоу!» В то время дворцовую музыку можно было послушать только в царстве Лу. Желая познакомиться с чжоуским церемониалом, необходимо было добраться до самого царства Лу. Через четыре года Хань Сюань-цзы также прибыл в царство Лу из княжества Цзинь, увидев сохранившиеся после Чжоу «И цзин (Книгу перемен)», «Сян-чжуань (Традиция образов)» и «Чуньцю», с радостью вернулся передать о том, что чжоуские ритуалы полностью сохранились в царстве Лу.

Приведём два примера. Такое малое государство как царство Лу, сохранив в те времена чжоускую культуру, считалось последователем династии Чжоу во времена «Чуньцю», а возродившим чжоускую культуру и сделавшим ее ведущей и передовой являлось царство Чу. По этому поводу у меня возник один вопрос: Царство Лу, оставшись нетронутым, сохранило

чжоускую культуру, но в итоге было разгромлено; царство Чу в то время осмелилось привносить нечто новое в область культуры, из маленького южного вассального государства став одним из пяти царств-гегемонов эпохи Чуньцю. Почему? В нашем определении чжоуской культуры имеются такие ключевые слова, как количество, наука, разумность и системность, – все эти признаки можно увидеть в ритуальных утварях династии Чжоу. Например, нефритовый скипетр имел сотни разновидностей в зависимости от ранга и применений, сотни видов: *дагуй*, *чжэньгуй*,[14] *гунгуй*, *хуаньгуй*,[15] *ваньгуй*,[16] *яньгуй*[17] и т.д. В династии Чжоу придавали особое значение нормам и порядку, уделяли внимание больше логическому мышлению, чем образному. Такой вид культуры демонстрируется на бронзовых изделиях весьма целостно, например, треножник *маогун*, железный бык реки Хуанхэ, львы ханьского дворца, – скульптуры их плотны и массивны.

«Путь в столицу подобен точильному камню, прямой, как стрела», путь к ленным землям Хаоцзин (столица царства Западное Чжоу до 770 г. до н.э.) похож на прямой выстрел выпущенной стрелы, имея монарший нрав. В духовном плане династия Чжоу ценила сосредоточенность и твёрдость. В разделе «Народ страждет» Великих од (Да Я)»Ши Цзина» имеется одна стихотворная строка: «Ветвление колосится да плодоносит». Это означает, что из реального должно вырасти хорошее, тем самым должно быть прекрасным, сильным, видимым для духовных потребностей. В то время единственной культурой, которая полностью отличалась от культуры Чжоу, была культура Чу. Особыми чертами культуры Чу были непринужденность, стремительность, ветреность, переменчивость, чьё изобразительное искусство, ритм речи полностью отличались от династии Чжоу. Династия Чжоу серьёзно подходила к пра-

---

[14] Чжэньгуй: скипетр вана.

[15] Хуаньгуй: двойной (разветвлённый) скипетр.

[16] Ваньгуй: скипетр с закруглёнными краями и верхом.

[17] Яньгуй: яшмовая заострённая пластина.

вилам и законам, как было сказано в выражении «без циркуля и угольника не получаются круг и квадрат»[18], а чусцы переняли у Чжуан-цзы[19] бесконечное воображение. Поэтому в династии Чжоу – геометрия и классика, а в царстве Чу – цветоведение и романтика. Типичным произведением искусства царства Чу является лакированная посуда, а не бронзовые изделия. Царство Чу имеет несколько культурных реликвий, которые обладают исключительной индивидуальностью, например, барабан на подставке из тигров с рамой в виде птиц имеет форму из двух лежащих тигров в качестве опорной стойки, у каждого тигра на спине стоял поднимающий голову длинноногий феникс, между двумя стоявшими спинами друг к другу поющих фениксов имелся большой барабан с красным верёвочным поясом, висевшим над короной феникса. Ещё пример, оленьи рога на журавле, форма представляет собой длинноногого небесного журавля. Поэтому в династии Чжоу – геометрия и классика, а в царстве Чу – цветоведение и романтика. Типичным произведением искусства Чу является лакированная посуда, а не бронзовые изделия с оленьими рогами. Такой вид деформированного искусства в Европе появился только тысячу лет спустя и менее вероятен в чжоуской культуре.

Больше половины од в «Ши Цзине» являлись балладами о жертвоприношении династии Чжоу, например, «实发实秀，实坚实好 (с кит. – ветвление колосится да плодоносит)», состояли в основном из двухсложных слогов. В культуре царства Чу, напротив, создавалось в основном из многосложных слов (из нескольких иероглифов), «路漫漫其修远兮，吾将上下而求索 (Длинны, длинны были мои дороги и далеки; я желал бы пойти вверх и вниз, чтобы найти желанное для моего сердца)», именно это называют что-то вроде «расширения языковых функций». Появление многословного лексикона указывает

---

[18] Обр. – делая что-либо, необходимо строго следовать правилам и законам.

[19] Основоположник философии даосизма, согласно традиции, жил в 369–286 гг. до н.э.; автор одноимённого даосского трактата «Свободное скитание (по заглавию I главы трактата Чжуан-цзы)».

на разнообразие жизни. Это выражается в жизнеспособности царства Чу. Приведём ещё в качестве примера царство Ци. В настоящее время часто говорят о «Ци-луской земле», по факту Ци и Лу во времена Чуньцю и Сражающихся царств являлись двумя отдельными государствами. В отличие от царства Лу, царство Ци так же, как и царство Чу, создавало свою собственную новую культуру, если изложить более современным языком, эти два государства были бы похожи на «ковбоев культурного мира», нарушая все границы. Культурные нововведения двух стран были таковы, что царство Чу ставило акцент на литературе, а царство Ци – на философии. Термин «*цзючжоу* (девять областей древнего Китая, – первоначально миф о 9 островах, образовавшихся после всеобщего потопа, ныне, обр. Китай)» ввело царство Ци. Циский ученый Цзоу Янь (древнекитайский натурфилософ, представитель школы инь-ян, 336–280 гг. до н. э) напрямую называл заморские места «*цзючжоу*». Царство Ци на сегодняшнем Цзяодунском полуострове имеет длинную береговую линию. Цзоу Янь считал, что на той стороне нескончаемого берега моря должны быть ещё обширные места. В то время с китайскими навыками мореплавания невозможно было выйти за пределы досягаемого, но он чувствовал, что за морем были скрыты «*цзючжоу*». Его обширные «*цзючжоу*» произвели впечатление на Цинь Шихуана. Цинь Шихуан желал быть бессмертным, послав людей с тогда ещё циской бухты Цзяочжоу, чтобы найти за рубежом «Сяньшань (гора бессмертных, гора небожителей)». Сегодня остров Янма яньтайского района Мупин и являлся местом изгнания в море духа болезней многочисленных несовершеннолетних детей из Сюйфу. Такие же мысли были выражены и в царстве Чу. Великий китайский поэт Цюй Юань в разделе «Тяньвэнь» своего произведения «Чуские строфы», писал: «Как утихомирить земли цзючжоу? Как открыть путь течению реки в горной долине?» Здесь имеется в виду, как нам удержать заграничные девять областей Китая (цзяочжоу)? Как их обнаружить? Горы и реки на нашей земле, как их расчистить? Такого рода мысли уже вышли за рамки времени, за пределы

жизненных испытаний, и основана в большей степени на воображении.

Народ царства Ци любил говорить намёками. Чунь Юйкунь открыто указывал правителю – цискому Вэй-вану[20], на его ошибки, употребив метафору о птице, которая три года не летала и не издавала звуков. Дед У Цзысюя[21], У Цзюй, использовав данное высказывание в отношении чуского правителя Чжуан-вана, так же открыто указывал на его ошибки. В контекстах чжоуской династии или установках такого не было. В династии Чжоу напрямую обращались к правителю: «Ваше превосходительство, Вы не можете не являться на совет, вам необходимо серьезней относится к делам государственным». Говорилось всегда откровенно и начистоту. А литераторы, писатели царств Чу и Ци любили излагать вокруг да около, это и называлось «говорить намёками».

В царстве Ци высокоразвитым было бин-цзя (древнекит. школа военной философии), в периоде Сражающихся государств большинство представителей военной философии были в основном выходцами из царства Ци, а это: Сыма Жанцзюй[22], Сунь У[23] (автор трактата «Искусства войны), Сунь Бинь[24], Мэн Тянь[25] и др. А в царстве Чу более развитым был даосизм: Лао-цзы, Чжуан-цзы. Ци-чуская культура сформировала союзную армию, поэтому представители военной философии и даосизма намного больше превосходили конфуцианство царства Лу, сделав отношения между Ци и Чу более тесными. Два государства стали двумя штурмовыми армиями про-

---

[20] Циский Вэй-ван: (378–320 гг. до н.э.), правитель царства Ци 齐 в 356–320 гг. до н.э., личное имя – Тянь Иньци 田因齐).

[21] Китайский государственный деятель и военачальник.

[22] Сыма Жанцзюй: (VI–V вв. до н.э.), военный стратег и полководец царства Ци 齐国, традиционно считается автором трактата «Сыма фа» 司马法, также известен, как Тянь Жанцзюй 田穰苴.

[23] Сунь У: имя, данное при рождении Сунь-цзы, китайский стратег и мыслитель VI или IV в. до н.э., автор трактата «Искусство войны».

[24] Сунь Бинь: (? – 316 до н.э.), китайский стратег, военный теоретик.

[25] Мэн Тянь: (? – 210 до н.э.), генерал времен династии 秦 Цинь.

тив чжоуской культуры в те времена. Великий китайский поэт древности Цюй Юань восхвалял царство Ци, при жизни три раза приезжал с визитом в царство Ци, тогда добраться до берегов Цзяодунского полуострова было достаточно сложно и утомительно, нужно было пересечь несколько государств, переходя границы. Можно заметить, что мыслители и великие писатели двух государств взаимно уважали друг друга. В те времена контроль за новаторства в культуре брали на себя царства Чу и Ци, а за культурное наследование, сохранение и соблюдение – царство Лу. Сейчас мы повсюду говорим об инновациях, но не стоит забывать, что 2500 лет тому назад наши предки уже охотней относились к нововведениям, к тому, чтобы наша культура находила новые горизонты, открывая новые границы, находила новые пути к выходу.

Дойдя до династии Хань, мы можем заметить одну занимательную загвоздку: несмотря на то, что Лю Бан (первый император династии Хань) разгромил царство Цинь и образовал новое государство, но Цинь тем не менее являлось создателем чего-то цельного, а именно Ци-чуской культуры. Модель управления царства Цинь проходила через реформы Шан Яна (390–338 до н.э., философ и важный государственный деятель государства Цинь), где государственная структура уже имела большие различия с Чжоу. Например, колесницы с осью одной длины, стандартное написание иероглифов и административное деление империи на области и уезды (уездно-областная система деления). После того как Цинь Шихуан взошёл на престол, он укрепил эти нововведения в законодательном порядке, однако содержание культуры по-прежнему перенималось у династии Чжоу. Династия Хань, основанная Лю Баном, полностью отказалась от культуры династии Чжоу, которой следовало царство Цинь, и считала культуру царства Чу своей национальной культурой, которая включала Ци, похожую на культуру царства Чу. Ци-чуская культура, после становления государства Лю Баном, господствовала на территории Китая из поколения в поколение, оставаясь непоколебимой.

После разгрома Чу царством Цинь Цюй Юань утопился в реке Янцзы, покончив с собой. Династия Хань, побеждая Цинь, вновь полностью унаследовала Чускую систему и её культуру. Приведём несколько примеров: династия Хань переняла чуский язык, её нравы и обычаи, называя высокопочтенных «гунами», «гун» в истории являлось нашим излюбленным словом: Мао-гун, Чжоу-гун, Чэ-гун. В царстве Цинь их называли не «гунами», а «шанцин (1-й из цинов, старший канцлер императора или местного князя)», «дафу (сановник, чиновник, советник)». Сыма Цянь (прим. – известный древнекитайский историк, автор «Исторических записок») горячо любил чускую культуру, его должностной ранг звучал как «тайшилин (летописец)», но он сам себя называл «тайши-гуном». Поговорим теперь о нравах и обычаях. В династии Чжоу и царства Цинь высокопоставленное лицо сидит справа, в царстве Чу – слева. В династии Хань слева садятся лица высокого ранга, имеющие также влияние на поколения. Например, «Цзо-шилан (прим. – «цзо» с кит. 左 – левый; «шилан» – чиновник из личной охраны императора, во времена династии Цзинь так называли церемониймейстера)» в министерстве чинов династии Мин, это «заместитель министра по общим административным делам» «организационного отдела», а «Ю-шилан («ю» с кит. 右 – правый)» в министерстве чинов это уже обычный «заместитель начальника отдела», с тех времён по сей день ничего не менялось, «левое» считается более почтенным.

Чуская культура оказывала глубокое влияние на последующие поколения. «Песни и танцы царства Чу» получили всеобщее распространение по всей династии Хань; «力拔山兮气盖世 (пер. с кит. – Власть может поднять горы, дерзаниями на свете никому не сравниться)», автор которого является Сян Юй (генерал, разрушивший династию Цинь; правитель западного Чу), стала народной песнью царства Чу; «大风起兮云飞扬 (пер. с кит. – Шторм поднимается, разметая облака по небу)» Лю Бана также взята из «Чуские строфы» (прим. – сборник поэтических произведений III в. до н.э.)». Ханьское поколение на базе Чуских строф приняло развитие до фу-поэзии (прим. –

«фу» является основным литературным жанром, популярным в династии Хань, сформировавшимся с особой литературной формой, имеющей – характер, как поэзии, так и прозы), став основным направлением в литературе своего времени. Некоторые из лучших «Хань-фу (*фу* – поэзия династии Хань)» можно прочесть и сегодня, такие как хань-фу Сыма Сянжу (179–117 до н.э., китайский писатель), Ян Сюн (древнекитайский философ-конфуцианец, литератор, поэт и филолог ханьского времени, 53 г. до н.э. – 18 г.н. э.), чьи произведения непосредственно имеют отзвуки Царства Чу. Такого рода явление достигло своего пика во времена правления императора У-ди (156–87 до н.э., седьмой император династии Хань), будь то придворная литература, произведения поколения почтенных культурных наставников или устное народное фольклорное творчество, которые непосредственно унаследовали чуский стиль. Два цвета, использованные в дворцовой архитектуре и также в лаковой посуде династии Хань, – чёрный и красный – также унаследовали стиль династии Чу. Чуская литература, архитектура, правовая-нормативная система, одежда, пища, жилище, средства передвижения и др. – всё самое необходимое для жизни – всё было заимствовано и безоговорочно принято династией Хань. Если сегодня проанализировать традиционную китайскую культуру, то можно сказать, что культуры Чжоу и Цинь представляли собой некое «политическое единство» в китайской культуре, которой придерживались политики, например, административное деление территории на области и уезды. Культуры Чи и Чу являлись представителями «объединения Дао (прим. – преемственность учения, сущность конфуцианского учения, переходящая от мудрого к мудрому, данная традиция философской школы (напр., Чжоу-гун – Конфуций – Мэн-цзы –Чжу Си)» Китая.

Говоря о лучшем в традиционной культуре, являясь потомками Цзин-Чуской культуры, у нас имеются основания для гордости: Сыма Цянь был самым преданным наследником чуской культуры. Почему Лу Синь (прим. – 1881.09.25–1936.10.19, китайский писатель, основоположник современной китай-

ской литературы) говорил, что «Ши цзи (первый по времени создания комплексный труд по истории Древнего Китая, охватывающий период от древности до династии Западная Хань)» это, «как Лисао, но без рифмы»? Помимо великолепного и прекрасного языка и независимости в своих мнениях, своими душевными качествами в обращении с людьми Сыма Цянь с Цюй Юанем будто похожи как две капли воды, Сыма Цянь словно был вторым Цюй Юанем. Он, описывая род Сян Юйя, Цюй Юаня, Суньшу Ао (630–593 гг. до н.э., премьер-министр царства Чу, инженер-гидротехник) вплоть до Чэнь Шэна (прим. – один из полководцев, возглавивших народное восстание против династии Цинь), У-гуана (так же, как и Чэнь Шэн, возглавлял народное восстание против династии Цинь), был преисполнен глубокими чувствами. После прочтения «Ши ци», можно заметить, что сравнение Лу Синя о том, что «*ши ци*» это своего рода «Лисао», только без рифмы, сказано весьма точно. Сыма Цянь являлся самым типичным представителем народа Цинь, почему же в самом сердце чжоуской культуры возник человек, столь восхищающийся культурой Чу? Во-первых, преисполненная порядком и лишением права занимать служебные посты атмосфера культуры не подходит для роста талантов, Сыма Цянь являлся гением, поэтому я в «Воздании письма Сыма Цяня» написал о том, что через пять веков после Вэнь Вана родился Конфуций. Через пятьсот лет рождается Сыма Цянь. Я также говорил, что река Янцзы делится на три участка, где возникли три вида культур: по верхнему течению реки возникла культура Ба-Шу (прим. – сычуаньская культура), где выделялись «*гуйцай* (с кит. гений, «гуй 鬼» – чёрт)»; в среднем течении реки Цзин-чуская культуры, проявили свой талант «*тяньцай* (с кит. гений, прирожденный талант, тянь 天 – небо)»; в нижнем течении реки У-Юэ культуры – «*жэньцай* (с кит. талант, жэнь 人 – человек)». Чуская культура являлась представителем культуры бассейна реки Янцзы. Однако следует отметить, что успехи в учениях династии Хань, то есть в изучении канонических книг, напротив, взяты в основном из царства Ци.

Что значит изучение канонических книг? В основном, это растолкование текстов представителей различных учений и школ с начала доциньской эпохи, толкование «Ши», «Шу», «И», «Ли цзи», «Чуньцю», «Юэ» – эти шесть канонов, это все и есть область изучения канонических книг. После седьмого императора династии Хань, У-ди, изучение канонов периода династии Западная Хань уже дошло до своего пика. Можно сказать, что самое раннее систематическое изучение традиционной китайской культуры началось со времен императора Хань У-ди. С тех самых пор литературы по изучению канонов китайской традиционной культуры становилось огромное множество, в разделе канонических книг «Сыку цюаньшу (полное собрание классических произведений различных династий)» династии Цинь, содержалось 1773 труда об изучении и исследовании классических канонов в 20 427 томах.

Вся область изучения канонических книг в династии Западная Хань была основана преимущественно на изучении народов царства Ци. По толкованию «Чуньцю» два важнейших произведения также были созданы во времена династии Западная Хань. Один труд был создан автором из царства Ци, назывался «Комментарий Гунъяна», второй – «Комментарий Гуляна», написан автором из царства Лу. Вы также можете с помощью современного перевода посмотреть эти две книги. В «Комментарии Гуляна» к «Чуньцю» толкование оказывалось более скрупулезным, строго придерживалось нормам, не осмеливаясь выходить за рамки границ. Как говорил Карл Маркс: «Пролетариат может освободиться только в том случае, если освободит все человечество», что может лишь объяснить, что пролетариат – это человек без собственности, каждый чеовек в мире. Но в «Комментариях Гунъяна» иначе, объясняется роль пролетариата в процессе освобождения всего человечества, – если он и станет буржуазией, он также может согласиться с социализмом и революцией. Это и называется творческой инициативой в понимании канонической литературы. «Комментарий Гунъяна» имеет великолепный возвышенный литературный язык, в степени мышления пре-

восходит «Комментарий Гуляна». Поэтому в наше время, изучая классические каноны, для начала необходимо прочесть «Чуньцю», далее – прочесть «Комментарий Гунъяна» и «Комментарий Гуляна» и можно будет определённо заметить, что написанный один и тот же канон имеет две разные интерпретации. В «Шицзи (Исторических записках)» было сказано об этом: «С того времени, как основалось государство Хань, пройдя через пять династий, во времена которых только Дун Чжуншу (прим. – основоположник ортодоксального конфуцианства), глубоко изучивший «Чуньцю», передавал полученные знания в «Комментариях Гунъяна»». Сыма Цянь считал, что со времен образования государства Лю Баном до У-ди, в этом историческом периоде только один человек понимал «Чуньцю», а именно – Дун Чжуншу. Почему только ему понятен «Чуньцю»? Все потому, что его знания взяты из «Комментария Гунъяна» царства Ци. Образ мыслей Дун Чжуншу оказал большое влияние на династию Хань. Два великих мыслителя и писателя периода правления императора У-ди – один Дун Чжуншу – выходец из царства Чу, другой – Сыма Цянь, чьи познания исходят от царства Ци, оба заложили культурные ценности ханьской эпохи.

В династии Хань, кроме классической филологии, наиболее сильно способны побудить интерес и стремление к изучению еще две науки. Первое, это «Учение Хуан-Лао (с кит. – Синкретическое направление древнекитайской философии)», второе – «Наука Чжуан-Сао (с кит. – изучение трактатов «Чжуан-цзы» и «Элегии отрешенного» Цюй Юаня). «Хуан-Лао» – философия, «Чжуан-сао» – и философия, и литература. Позднее «Хуан» интерпретировали с циньским императором Хуан-ди и Лао-цзы, с сокращенным названием как «Учение Хуан-Лао». Я считаю, что заявление Хуан-ди является неточным. В данном случае «Хуан» не имеет никакого отношения к императору Хуан-ди, должно быть Чжан Лян встретил того самого Хуаншигуна. И возможно, Хуаншигуна как реального человека вовсе не существовало. Чжан Лян для того, чтобы передать всю суть истории, выдумал его. Чжан Лян писал,

что некий Хуаншигун подарил ему одну очень важную книгу, это был военный трактат Цзян Тайгуна[26]. Так как же попал военный трактат Цзян Тайгуна в царство Ци? Цзян Тайгун имел жалованную ему когда-то землю на территории Ци, в этот период в царстве Лу о себе заявляет Конфуций. Жалованные земли Чжоу-гуна находились в царстве Лу, поэтому Чжоу-гун приглашает Конфуция, и военный трактат Цзян Тайгуна попал через третьи руки к Чжан Ляну.

Почему из царства Ци вышло множество военных деятелей? Удел Тайгуна Ван Люйшана находился в царстве Ци. Чжан Лян не был простым человеком. По легенде он скитался от Чи Сунцзы по горам пурпурных кипарисов Ханьчжуна уезда Люба. Никто не находил его следов. В уезде Люба есть храм Чжан Ляна, который я когда-то посещал. Глава уезда попросил меня написать одну парную надпись, я тогда написал: «Блеском меча подкармливал душу писанием несравненный ученый; сначала Хуанши, после Чи Сунцзы, став единственным героем». Так я оценил Чжан Ляна. Чжан Лян являлся созидателем единого целого в военной философии царства Ци, также он являлся умнейшим человеком, изучавшим науку «Хуан-Лао».

Поговорим ещё об «учении Чжуан-сао». Философский и скрытый смысл в эссе Чжуан-цзы – это наука «говорить одно, думать другое», которая достигла своего пика. Есть один такой случай: однажды он взял учеников прогуляться в горах, Чжуан-цзы увидел, как одно гниющее дерево упало на землю, он взобрался на него и разломал, сказав своим ученикам: «Ох, ни в коем случае не будьте разлагающейся древесиной, если быть разлагающейся древесиной, то только с ничтожным концом». Пройдя дальше, они увидели дерево внушительных размеров, и несколько человек рубили это дерево для поперечной балки. Чжуан-цзы снова обратился к ученикам: «Ох, ни в коем случае не будьте материалом для прогонов и балок. Станете им, и вас разрубят». Ученики были в недоумении: «Учитель,

---

[26] Считается основателем китайской военной науки, автор трактата «太公望吕尚 – Шесть военных стратегий».

не быть гнилым деревом, не быть материалом для прогонов и балок, кем тогда нам быть?» Чжуан-цзы ответил, – не будьте гниющим деревом и не будьте материалом для прогонов и балок, будьте просто обычным деревом. Чжуан-цзы никогда не говорил напрямую – кем быть и что делать, через рассказ о судьбе и состоянии определенного дерева он тем самым позволял своим ученикам самим понять смысл его рассказов. Это и в политике, и в литературе – мудрость и знания. Превосходство Чжуан-цзы в мудрости несравнимо. «Сао» является сокращением от названия произведения Цюй Юаня «Лисао», опиравшегося на «Чу цы («Чуские строфы»)». Читая такие произведения Цю Юаня, как «Лисао», «Тяньвэнь (Вопросы к небу)», «Цзюгэ (девять од)» и «Цзючжан», можно узнать, насколько великолепен литературный талант и насколько богато воображение в Чуских строфах. Поэтому, взяв вместе Чжуан-цзы и Цюй Юаня, назвать всё это «Чжуан-сао», – является подтверждением Чуской литературы. «Учение Хуан-лао» возникло в царстве Ци, «учение Чжуан-сао» – в царстве Чу. От Цюй Юаня до Сыма Цяня, от стиля изложения до строгости принципов, такого рода чарующая сила, переходящая от мудрого к мудрому, традиции философской школы, влияют на китайцев по сей день. В «Чжан Цзюйчжэне» я писал о том, что некоторые чиновники, чтобы отстоять свою правоту, не боялись наказаний батогами во дворце, маленький император «Ваньли (прим. – с кит. «Бесчисленные годы», девиз правления императора династии Мин)» говорил: «Забейте насмерть этого человека!» Фэн Бао тут же сказал ему: «Господин, не делайте этого! Они, желая смерти, хотят выразить свою сильную волю и порядочность». Такого рода манера бесстрашия к смерти как раз взята Цюй Юаня и Сыма Цяня.

Последнее, третий вопрос: инновационные возможности традиционной культуры.

Можно сказать, что некоторые из величайших нововведений в китайской истории внесли большой вклад в человеческую цивилизацию. В политической системе первое – это циньская уездно-областная система, второе – «*кэцзюйчжи*

(прим. императорская экзаменационная система для отбора должностных лиц)» династии Суй. Уездно-областная система способствовала созданию системы центрального государственного управления, тем самым укрепляя стабильность общества; «*кэцзюйчжи*» решала проблему отбора талантов, тем самым содействовала созданию системы гражданского чиновничества. В «*кэцзюйчжи*» ранее я уже говорил о керамических изделиях из глины, добыча шёлка из кокона тутового шелкопряда – все эти ключевые факторы позволили Китаю долгое время лидировать в мире.

Ещё один момент, – также очень важный. После более чем тысячи лет исследований, дойдя до Танской династии, основой традиционной китайской культуры было уже определено взаимодействие трёх учений: конфуцианства, буддизма и даосизма. Наследие трёх школ имело свою собственную систему. Наследие конфуцианства, от Конфуция, Мэн-цзы, Сюнь Циня, Дун Чжуншу, двух братьев-философов – Чэн Хао и Чэн И, Чжу Си, Лу Цзююань, Ван Янмин, Хуан Цзунси, Дай Чжэнь вплоть до семи сыновей Конфуцианства современности; Даосская школа начинается с Лао-цзы, затем Чжуан-цзы, Ян Чжу, Ван Чун, Ван Чунъян, Цю Чуцзи, Чжан Саньфэн и др.; буддизм внедрился в Китай из Индии, выглядит внушительно, главные крупные направления: секта Тяньтай, школа Хуаянь, тантрическая Ваджараяна, школа Чистой Земли, школа Чань. В средних районах более широкое распространение получила школа Чань (дзэн-буддизм), под школой Чань имелось еще пять сект: Вэйян, Линьцзи, Цаодун, «Облачные врата», «глаза-дхармы». Процесс адаптации на территории Китая на самом деле был отмечен созданием школы Чань. Если бы буддизм не сочетался с даосизмом традиционной китайской культуры, и без сущности Чжуан-цзы и Лао-цзы он не смог бы просуществовать в Китае.

Корень конфуцианства можно резюмировать одним словом, как «*чжун* 中 (с кит. средний)». «Средина» (или «средний») – это особая философия, во всём мире ни одна страна не имеет в своем названии таких глубоких национальных

культурных особенностей. Средина, не склоняющаяся ни на одну, ни на другую сторону; обращаясь, не желая быть ни надменным, ни низшим; средина, держащаяся без заискивания и высокомерия; средина, ни слева, ни направо; средина, ни кверху, ни снизу, – это и является мудростью конфуцианства. Слово, которое обобщает даосизм, – «небытие (прим. – отсутствие чего-либо)», буддизм – «пустота». Этих трёх слов будет достаточно, чтобы чётко передать происхождение традиционной китайской культуры. «Небытие» – означает «бытие рождается из небытия», «высшее начало порождает два Начала (прим. – небо и земля), инь и янь», высшее начало и есть «небытие», инь и янь породили начало «имеющегося». Выражение «бытие рождается из небытия» имеет именно эти значения. Два Начала порождают пять стихий – металл, дерево, вода, огонь и земля, пять элементов восьми триграмм, и всё в мире постепенно развивается. Если кто-нибудь не понимает, как активизировать их, не понимает, когда придёт «имеющееся», а когда вернётся в «небытие», значит, не знает, как воспитать свой дух. Буддисты говорят о «пустоте». Я долгое время не понимал «пустоту», а что может значить «пустота»? «Пустота» – это материя, это не значит, что в ней ничего нет. В «Праджня-парамита-сутре («Сутра сердца») говорится: «Цвет не имеет разницы с пустотой. А пустота не имеет разницы с цветом». Цвет – это и есть тот самый цвет, (который мы все знаем и различаем), цвет – это наш объективный мир. «Пустота» есть и не есть объективный мир, цвет не имеет разницы с пустотой, но не равен объективному миру, но также не далёк и не отделён от объективного мира. Поэтому и говорится, что пустота – не значит, что она ничего не имеет, то, что в себе не держит (или не хранит), называется пустотой.

Мы сегодня говорили о наследии и новациях культуры для того, чтобы решить вопрос о «самосовершенствовании души, позволяющем достичь цели». Достигнутые цели определяются самосовершенствованием, меняется объективный мир, субъективный мир также должен меняться. Успешные перемены и есть новаторство. «Взаимодействие Инь и Ян образует

закон вещей», один – метафизический, другой – материальный. В каком-то году я увидел парную надпись Чжан Чжидуна, которую написал для терема Аолюэ: «Мудрецы привели в порядок Небо и Землю, основали всё, начиная с рек Янцзыцзян и Ханьшуй; сегодняшние пути объединили страну, незаметно поднимая её вдали от Европы и Азии». Его суть была в том, что мудрецы его предшественников воссоздали источник всех перемен, свою эпоху, в обширных землях Янцзыцзян и Ханьшуй сотворив эпос. Чжан Чжидун считал, что и у него такая миссия. Наша задача не только превзойти наших предков, но и, насколько это возможно, превзойти и другие страны, так как мы имеем настолько глубокую культуру, ставшую для нас основанием для развития. Сейчас традиционная культура для нас как «внутреннее самосовершенствование», нужно, чтобы оно было прочным, как скала, нашу «внешнюю царственность»[27] необходимо постоянно обновлять. Только таким образом наши нововведения смогут иметь точку опоры, имея тягу неуклонно придерживаться своей линии.

На сегодня все, спасибо всем!

21 декабря 2013 года
Лекция на «форуме Цюйцзянской культуры»
в провинции Шэньси

---

[27] 内圣外王 – постигнув [учение], станешь совершенномудрым, а применив [его] на практике, станешь совершенным правителем; [человек] совершенной мудрости и добродетели; внутреннее святомудрие и внешняя царственность.